

Об этногенезе марийцев по данным системного анализа топонимии: заблуждения и реальность

Проблема этногенеза марийцев, к сожалению, оказалась тем вопросом, в решение которого топонимисты за последние полвека внесли больше путаницы, чем разъяснений. В своем сообщении я остановлюсь на двух наиболее стойких заблуждениях, которые последние десятилетия кочуют по разным работам лингвистов и историков, подчас приобретая характер аксиомы и порождая дальнейшие неправильные выводы.

Первым заблуждением стала довольно старая теория, подразумевающая, что на территории современной Марий Эл до прихода сюда марийцев жили пермские племена (предки современных удмуртов). Эта теория, в частности, получила свое развитие в трудах известного удмуртского археолога Р. Д. Голдиной, которая ставит знак равенства между ананьинской культурно-исторической общностью и прапермянами, а следовательно, между средневековыми потомками ананьинцев в междуречье Ветлуги и Вятки и предками удмуртов. Благодаря своей стройности и простоте указанная археологическая концепция этногенеза пермских народов была привлечена исследователями удмуртской и марийской топонимии (М. Г. Атамановым, И. С. Галкиным и др.) для обоснования их этимологических построений. Она оказалась весьма удобной, чтобы все внешне сходные с пермскими лексемами топонимы (и части топонимов) в Марий Эл трактовать как пермский субстрат. В этих условиях уважаемые топонимисты стали пренебрегать лингвистической строгостью этимологий, поскольку можно сослаться на авторитет смежной науки. В свою очередь, археологи привлекают обнаруженные «пермские топонимы» на территории Марий Эл для аргументации археологических концепций. Так взаимное некритическое использование научных гипотез представителями разных наук породило миф, который в качестве исходного посыла переходит из работы в работу.

В последнее время многие «пермские» этимологии марийских топонимов были подвергнуты критике [Пустяков, 2014; Смирнов, 2013], а наличие автохтонного пермского топонимического пласта на территории Марий Эл в результате проведенного системного исследования топонимии Ветлуги и Вятки поставлено под сомнение. Представляется, что основной массив домарийского топонимического субстрата на территории Марий Эл был оставлен не пермским языком, а диалектом, близкородственным волжско-финским языкам (марийскому и мордовскому) [Смирнов, 2013; 2014а; 2014б].

Второй распространенной гипотезой, непосредственно связанной с первой, является версия о миграции марийцев на территорию их современного расселения с запада, из районов Костромской области и бассейна Оки. Это представление исторически основано на сведениях «Повести временных лет», где черемисы упоминаются рядом с мордвой среди народов, живущих на реке Оке при впадении ее в Волгу. Оно же отвечает упрощенной схеме, что волжские финны (мордва и марийцы) — потомки городецкой археологической культуры, а пермяне — синхронной ей ананьинской. В силу простоты такой этногенетической конструкции она широко популярна. Подробное изложение теории об «окской» прародине марийцев с попыткой привлечения топонимических данных содержится в труде Д. Е. Казанцева [1985]. Ряд лингвистических аргументов в пользу западного проживания марийцев приводится в статье П. Рахконена [2012, 12–15]. Свидетельством марийского топонимического субстрата в районах, прилежащих к устью Оки, по мнению П. Рахконена, помимо гидронимов на *-ингVрь* (ср. мар. *āngŷir*, *энер* ‘река’) является также «очевидная соотносимость топонимии Костромской обл. и низовий Оки с марийской топонимией» [Рахконен, 2012, 13]. Странно, однако, что в приводимом перечне топонимов с территории Марий Эл, которые находят соответствие в нижнем течении Оки и Унжи и которые картографирует П. Рахконен (р. Буй, р. Елнать, р. Кокша, р. Немда), в действительности нет ни одного топонима, объясняемого из марийского языка, все они на территории Марий Эл принадлежат пласту немарийской по происхождению топонимии.

Для того, чтобы обосновать либо опровергнуть наличие субстратной топонимии марийского происхождения на западе Костромской области и в бассейне нижнего течения Оки, автором было предпринято системное сравнение местной топонимии с типичной марийской

топонимией на основе метода этнического моделирования (описание метода см. в [Смирнов, 2014a]).

Основные результаты произведенного анализа:

1. Многие типовые марийские топоосновы (42 из 60) находят соответствия на исследуемой территории, но в подавляющем большинстве своем (34) в формах, отличающихся фонетически от марийского языка, например: топонимы с основами *печ-* (р. *Печуга*, р. *Печингирь*, оз. *Печехра* и др.) при мар. *пўнчō* ‘сосна’; *уч-* (оз. *Учхор*, р. *Уча*) при мар. *изи* ‘маленький’ и мн. др. Это основы, которые происходят от слов, относящихся к финно-угорскому, финно-пермскому или финно-волжскому лексическому пласту.

2. Выявлен ряд регулярных фонетических особенностей топонимии исследуемой территории. Эти фонетические черты имеют как сходства, так и существенные отличия от марийского языка.

3. Отличие между марийским языком и субстратными диалектами запада Костромской области и нижнего течения Оки наблюдается не только на уровне фонетики, но и в лексическом составе. Например, вместо мар. *йўл-* ‘гореть’ на исследуемой территории фиксируется основа *пал-*, ср. морд. *паломс* ‘гореть’; вместо мар. *кого*, *кузу* ‘большой’ — основа *ин-*, ср. морд. *ине* ‘большой’.

Таким образом, очевидно, что марийской по происхождению топонимии в низовьях Оки и на территории Костромской области западнее Унжи (т. е. в ареале гидронимов на *-ингVрь*) не обнаруживается. В подтверждение сказанного произведен этимологический анализ основ топонимов с формантом *-ингVрь*, который показывает их немарийское происхождение. Причем форма *Ингирь* с точки зрения исторической фонетики более инновационна, чем мар. *йнгйр*, *энер*, она характеризуется сужением корневого гласного и не может быть прамарийской. Вместе с тем, субстратные финно-угорские диалекты исследуемой территории явно находились в близком языковом родстве с прамарийским языком.

В свете отрицания марийского характера топонимии низовий Оки и западной части Костромской области проанализировано распространение марийских (древнемарийских) топонимов в западном и южном направлении от современной территории Марий Эл. На левобережье Волги крайней западной точкой распространения марийской топонимии является бассейн р. Кержанец (н. п. *Улангерь* (< *р.), ср. мар. Г *ўл*

‘нижний’, *āngīr* ‘речка’). На правобережье Волги мощный марийский субстратный топонимический пласт обнаруживается в северной части Чувашии. Субстратные названия с дифференцирующими марийскими топоосновами и топоформантами распространены в Чувашии вверх по течению р. Сура вплоть до окрестностей Алатыря, где они соседствуют с субстратной мордовской топонимией. При этом субстратная марийская топонимия практически не переходит на левый (западный) берег Суры. Таким образом, р. Кержанец на левобережье Волги, а р. Сура на правобережье Волги являются западной границей распространения древнемарийской топонимии. Полученные топонимические данные заставляют поставить под сомнение гипотезу о западной («окской») прародине марийцев.

Отрицание двух описанных выше суждений в результате проведенного автором системного анализа топонимических данных кардинально меняет этногенетическую ситуацию для марийцев:

1) существенных сдвигов в расселении марийцев по сравнению с началом нашей эры, скорее всего, не произошло, при этом луговые марийцы переселялись на территорию Марий Эл не в иноязычную, а в близкородственную языковую среду;

2) в древности на просторах от Костромы до Вятки существовали другие волжско-финские языки, близкородственные марийскому, возможно их диалекты образовывали лингвистическую непрерывность, одним из звеньев которой был прамарийский язык;

3) локализация прародины марийцев в районах не западнее р. Кержанец и р. Суры допускает тесную историческую связь как предков марийцев, так и их близких родственников в междуречье Вятки и Ветлуги с ананьинской культурно-исторической общностью.

Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.

Пустяков А. Л. К проблеме разграничения марийских и пермских топонимов в Ветлужско-Вятском междуречье // *Вопр. ономастики.* 2014. № 2 (17). С. 7–34.

Рахонен П. Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // *Вопр. ономастики.* 2012. № 1 (12). С. 5–42.

Смирнов О. В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 1 // *Вопр. ономастики.* 2013. № 2 (15). С. 7–59.

Смирнов О. В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 2 // *Вопр. ономастики.* 2014а. № 1 (16). С. 7–33.

Смирнов О. В. Об этнической интерпретации археологических культур I тыс. н. э. в бассейне среднего течения р. Вятки (по топонимическим данным) // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Археология евразийских степей.* 2014б. № 20. С. 90–105.

С. Н. Смольников

Вологодский государственный университет, Вологда
onomast@list.ru

Феномен «польских» фамилий на Русском Севере

Референция антропонима может рассматриваться в разных аспектах (как отношение имени к объекту внеязыковой действительности, как отношение имени к объекту ментальной сферы, как отношение имени к объекту сферы языка). Любое из этих отношений может характеризоваться модальностями реальности / ирреальности, потенциальности, гипотетичности и др., которые обусловлены вторичностью антропонима как языкового знака. Модальное значение появляется там, где возникает отношение, осознаваемое носителем языка.

Модальности, связанные с идентификацией имени собственного как языкового знака, накладываются на отношения антропонимов к классу имен как языковому концепту, их вариативности и кореференции и др. Этноязыковая принадлежность имени собственного также может осмысливаться в системе модальностей.

Принято считать, что отнесение фамилии или другого имени собственного к языку-источнику основывается на выделении корней, аффиксов или других формальных признаков, однако последние могут быть общими для антропонимиконов разных языков.

Широкое распространение на Русском Севере получил тип топонимических фамилий на *-ский*, известный разным славянским

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 15-04-00364а «Вологодский текст в русской словесности»).

© Смольников С. Н., 2015